

ЖГУ БЕР МАН

Гарики
из Атлантиды

Игорь Губерман

Гарики из Атлантиды (сборник)

«ЭКСМО»

Губерман И. М.

Гарики из Атлантиды (сборник) / И. М. Губерман — «Эксмо»,

Сатирические стихотворные миниатюры Игоря Губермана, получившие в свое время название "гарики" и давно уже ставшие частью современного фольклора, у одних вызывают улыбку, у других раздражение и даже негодование — слишком много в них ненормативной лексики.

© Губерман И. М.

© Эксмо

Содержание

Гарики из Атлантиды	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Игорь Губерман

Гарики из Атлантиды (сборник)

*Одиноко бренчит моя арфа,
расточая отпущенный век,
и несет меня в светлое завтра
наш родной параноев ковчег.*

В оформлении книги использованы наскальные рисунки древних евреев

Гарики из Атлантиды

Я свой век почти уже прошел
и о многом знаю непревратно:
правда – это очень хорошо,
но неправда – лучше многократно.

1

Бежал беды, знавал успех,
любил, гулял, служил,
и умираешь, не успев
почувствовать, что жил.

2

Я ощущаю это кожей,
умом, душой воспламененной:
любовь и смерть меня тревожат
своею связью потаенной.

3

Дух оптимизма заразителен
под самым губительным давлением,
а дух уныния – губителен,
калеча душу оскотлением.

4

Приходит час, выходит срок,
и только смотришь – ну и ну:
то в эти игры не игрок,
то в те, то вовсе ни в одну.

5

И здесь, и там возни до черта,
и здесь, и там о годах стон,
зато в отличие от спорта
любви не нужен стадион.

6

Нет, человек принадлежит
не государству и не службе,
а только тем, с кем он лежит
и рюмкой делится по дружбе.

7

Вот человек. Борясь со злом,
добру, казалось бы, мы служим.
Но чем? Камнями, кулаком,
огнем, веревкой и оружием.

8

Засмейся вслух, когда обидно,
когда кретином вдрызг издерган;
по безголовым лучше видно,
что жопа – думающий орган.

9

По жизни мы несемся, наслаждаясь,
пьянея от безоблачности века;
но разве, к катастрофе приближаясь,
предвидит ее будущий калека?

10

Сперва, воздушный строя замок,
принцесс рисуешь прихотливых,
потом прелестных видишь самок,
потом бежишь от баб сварливых.

11

Фортуна если жалует немилостью,
не жалуйся, печаль душе вредна,
и недруга встречай с невозмутимостью,
убийственной, как пуля из гавна.

12

Поближе если присмотреться,
у воспаленных патриотов
от жара искреннего сердца
бывают лица идиотов.

13

Когда мы выбраться не чаем,
само приходит облегчение:
вдруг опьяняешься отчаяньем
и погружаешься в течение.

14

Вокруг окраины окрестности
плывет луны латунный лик,
легко кладя на облик местности
негромкой грусти бледный блик.

15

Спутница, любовница и мать,
слушатель, болельщик, оппонент —
бабе очень важно понимать,
кто она в мелькающий момент.

16

Прекрасен мир, где всякий час
любой при деле понемногу:
прогресс к обрыву катит нас,
а мы – мостим ему дорогу.
17

Судьба решается на небе
и выпадает нам, как рыбам;
она подкидывает жребий,
предоставляя шанс и выбор.
18

Предупредить нас хоть однажды,
что их на небе скука гложет,
толпа ушедших остро жаждет,
но, к сожалению, не может.
19

Я радуюсь, умножив свой доход,
страхующий от голода и холода;
бессребреник сегодня только тот,
кто ценит преимущественно золото.
20

Пусты, сварливы, слепы, дерзки,
живем ползком или бегом —
свои черты ужасно мерзки,
когда встречаются в другом.
21

От замаха сохнут руки,
от безделья разум спит,
гулко трескаются брюки
у неловких волокит.
22

Когда на всех, на всех, на всех
удушие мрака нападает,
на смену слез приходит смех
и нас, как смерть, освобождает.
23

Течет зима. Близ моря пусто.
Но вновь тепло придет в сады,
и миллионы нижних бюстов
повысят уровень воды.
24

Тонул в игре, эпикурействе,
любовях, книгах и труде,
но утопить себя в еврействе
решусь не раньше, чем в воде.
25

Годы, будущим сокрытые,
вижу пламенем объатыми;
волки, даже очень сытые,
не становятся ягнятами.
26

Есть во взрослении опасность:
по мере близости к старению
высоких помыслов прекрасность
ужасно склонна к ожирению.
27

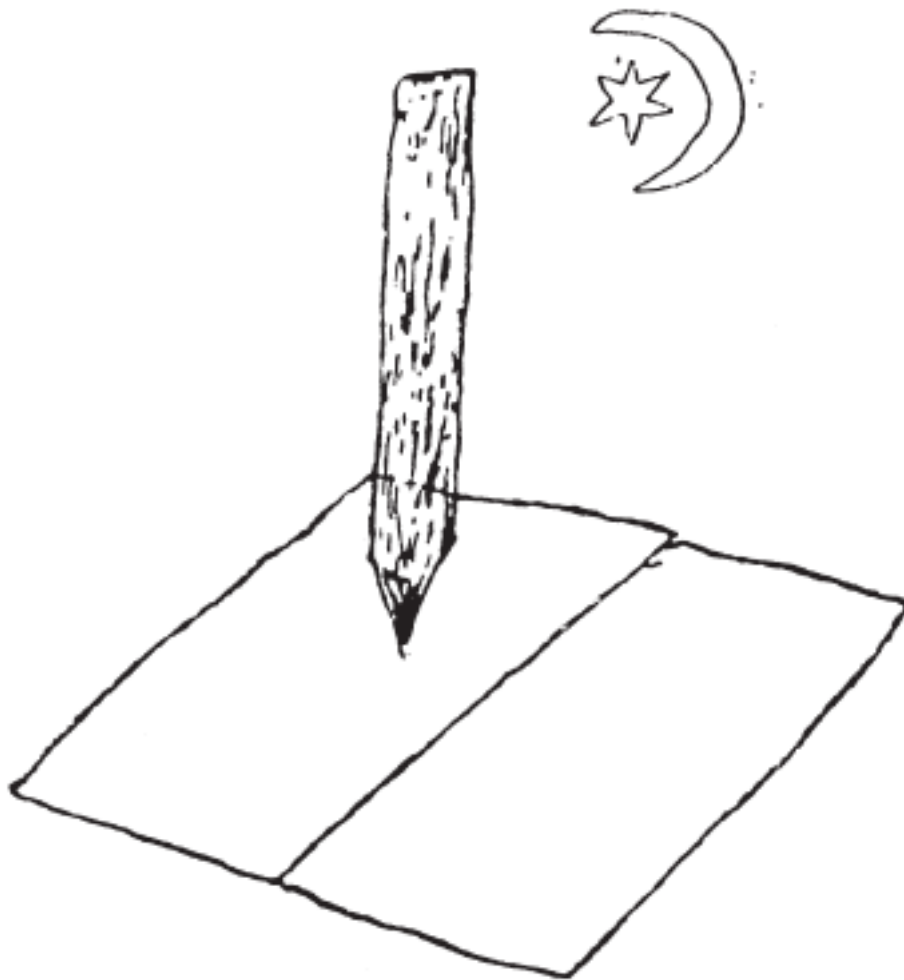
Аскетом я б весь век провел,
но тайным страхом озабочен:
святого блестящий ореол
для комаров приманчив очень.
28

Сегодня день истек в бесплодной,
пустой и мелкой суете,
и мерзкий серп луны холодной
зияет в мертвой пустоте.
29

Едва-едва покой устроим,
опять в нас целится Амур,
и к недосыпу с перепоем
приходит сизый перекур.
30

Медицины гуманные руки
увлеченно, любовно и плохо
по последнему слову науки
лечат нас до последнего вздоха.
31

Когда средь общей тишины
ты монолог сопишь ученый,
услышь себя со стороны
и поумнеешь, огорченный.
32

С утра за письменным столом
гляжу на белые листочки;
а вот и вечер за окном —
ни дня, ни строчки.
33

Поэты бытие хвалой венчают
с дописьменной еще эпохи древней;
дух песенности стены источают,
и тем они звучнее, чем тюремней.
34

Стяжательством и суетностью затхлой
измотанный, однажды выйдешь в ночь
и вздрогнешь от гармонии внезапной,
раскрывшейся тебе, чтобы помочь.
35

В реке времен, как в море – рыбы,
не зря безмолвствуют народы:
свобода – это страх и выбор,
ломает плечи груз свободы.
36

Воспринимая мир как данность,
взгляни на звезды, не спеша:
тягчайший грех – неблагодарность
за то, что воздухом дышал.
37

Мы – необычные рабы,
мы быть собой не перестали,
есть упоение борьбы
в грызенье проволочной стали.
38

Вполне по справедливости сейчас
мы трудимся, ворует и живем:
режим паразитирует на нас,
а мы – паразитируем на нем.
39

Мы все – опасные уроды,
мы все достойны отвращения,
но в равнодушии природы
есть величавость всепрощения.
40

В горячем споре грудь на грудь,
уже не видя ничего,
войдя в азарт, не позабудь
на ужин выйти из него.
41

Мы из любых конфигураций
умеем голос подавать,
мы можем стоя пресмыкаться
и на коленях бунтовать.
42

В любви, трудах, игре и спорте,
искусстве, пьянстве и науке
будь счастлив, если второсортен —
у первосортных горше муки.
43

Война ли, голод – пьет богема,
убийства, грязь – богема пьет,
но есть холсты, но есть поэмы,
но чьи-то песни мир поет.
44

Мы часто ходим по воде,
хотя того не замечаем,
висим над бездной в пустоте
и на огне сидим за чаем.
45

Безумство чудаков – их миллион,
толкующих устройство мироздания, —
вливается в витающий бульон,
питательный для вирусов познания.
46

Зря нас душит горечь или смех,
если учат власть интеллигенты:
в сексе понимают больше всех
евнухи, скопцы и импотенты.
47

Не ограничивайся зрением,
пусть обоняние не чахнет:
что привлекательно цветением,
порой кошмарно гнилью пахнет.
48

На трупах и могилах вдруг возник
шумливый рай пивных и кабаков,
и лишь «за что боролись?» хилый крик
стихает у последних стариков.
49

Духа варево и крошево —
нынче так полно эрзацев,
так измельчено и дешево,
что полезно для мерзавцев.
50

Я не борец и не герой,
но повторить готов над плахой:
во всех суставах свихнут строй,
где не пошлешь мерзавца на хуй.
51

От наших войн и революций,
от сверхракет материковых
приятно мысленно вернуться
к огням костров средневековых.
52

Мы все – душевные калеки,

о чем с годами отпечалились,
но человека в человеке
найти, по счастью, не отчаялись.
53

Какое ни стоит на свете время
под флагами крестов, полос и звезд,
поэты – удивительное племя —
суют ему репейники под хвост.
54

Свистят ветра, свивая вьюгу,
на звездах – вечность и покой,
а мы елозим друг по другу,
томясь надеждой и тоской.
55

Когда вокруг пируют хищники,
друг другом чавкая со вкусом,
любезны мне клыками нищие,
кому чужой кусок не лаком.
56

Одно за другим поколения
приемлют заряд одичания
в лучшемся поле растления,
предательства, лжи и молчания.
57

Стреляя, маршируя или строясь,
мы злобой отравляем нашу кровь;
терпимость, милосердие и совесть
откуда возникают вновь и вновь?
58

На всем человеческом улее
лежит сумасшествия бремя,
изменчив лишь бред, а безумие
скользит сквозь пространство и время.
59

Наплевать на фортуны превратность,
есть у жизни своя справедливость,
хоть печальна ее однократность,
но прекрасна ее прихотливость.
60

Просачиваясь каплей за года,
целительна и столь же ядовита,

сочится европейская вода
сквозь трещины российского гранита.
61

Неизбежность нашей смерти
чрезвычайно тесно связана
с тем, что жить на белом свете
людям противопоказано.
62

Просветы есть в любом страдании,
цепь неудач врачует случай,
но нет надежды в увядании
с его жестокостью ползучей.
63

Когда б остался я в чистилище,
трудясь на ниве просвещения,
охотно я б открыл училище
для душ, не знавших совращения.
64

У страха много этажей,
повадок, обликов и стилей,
страх тем острее, чем свежей,
и тем глубинней, чем остылей.
65

В года рубежные и страшные
непостижимо, всюду, молча
ползут из нор кроты вчерашние,
зубами клацая по-волчьи.
66

Природа позаботилась сама
закат наш убереечь от омерзения:
склероз – амортизация ума
лишает нас жестокого прозрения.
67

Живешь блаженным идиотом,
не замечая бега лет,
а где-то смерть за поворотом
глядит, сверяясь, на портрет.
68

Из глаз, разговоров и окон
озлобленность льется потоками,
грядущего зреющий кокон

питается этими соками.

69

Когда грядут года лихие,
в нас дикий предок воскресает,
и первобытная стихия
непрочный разум сотрясает.

70

Конечно, веру не измеришь,
поскольку мера – для материи,
но лучше веровать, что веришь,
чем быть уверенным в неверии.

71

Мы колесим, ища покой,
по странам и векам,
но всюду возим за собой
свой собственный вулкан.

72

Глядят в огонь глаза смурные,
и смутный гул плывет в крови;
огонь тревожит в нас немые
пещерной памяти слои.

73

Когда восторг, триумф, овации
и сам эфир блаженство пьет,
порочный дух еврейской нации
себя усмешкой выдает.

74

О законе ли речь или чуде,
удручающий факт поразителен:
рано гибнут хорошие люди,
и гуляет гавно долгожителем.

75

Простертая по миру красота
доступнее ломтя ржаного хлеба,
но душу затмевает суета,
и пошлость заволакивает небо.

76

Другим народам в назидание
Россия избрана и призвана
явить покой и процветание,
скрестив бутылку с телевизором.

77

Серые подглазные мешки
сетуют холодным зеркалам,
что полузабытые грешки
памятны скудеющим телам.

78

Задавленность густой чиновной кашей
лишает смысла жалобу и крик,
лишен лица хозяин жизни нашей,
хотя коварен, туп и многолик.

79

Растет познание. Но при этом
душе ни легче, ни просторней:
чем выше ветви дышат светом,
тем глубже тьма питает корни.

80

Семейный дом – наследственности храм.
Живу. Сажу с гостями. Эрудит.
Но бешеный азарт по временам
стреноженное сердце берedit.

81

В умах – разброд,

вокруг – неразбериха,
царит разбой, и тьмою застлан свет;
везде притом спокойно, мирно, тихо,
и разве только будущего нет.
82

Дай мне, Боже, спать ночами
без душевного мучения,
утоли мои печали,
остуди мои влечения.
83

Ум с добротой неразделимо
связуют общие черты,
дурак всегда проходит мимо
разумной пользы доброты.
84

Повадка женщины изменчива,
поскольку разнится игра
подруги дня, подруги вечера,
подруги ночи и утра.
85

Весна размывает капризно
завалы унынья и грязи
внезапной волной оптимизма,
шальной, как вода в унитазе.
86

Мы рады, когда чванные авгуры
дурачат нас, лицом туманясь хмурым,
а правду говорят нам балагуры —
но кто же доверяет балагурам?
87

Нам непонятность ненавистна
в рулетке радостей и бед,
мы даже в смерти ищем смысла,
хотя его и в жизни нет.
88

Чем глубже скепсис и неверие
при неизбежности притворства,
тем изощренней лицемерие
и выше уровень актерства.
89

Страдалец, мученик и узник,

насилий жертва и увечий —
всегда по духу чуть союзник
того, кто душит и калечит.
90

Сгорают поколения, как поленья,
их копоть поглощает высота,
а пламень их, не ведающий тленья,
нетленно воплощает красота.
91

Чреваты лихом все дороги,
полны волнений волны дней,
сам разум наш – дитя тревоги
и потому податлив ей.
92

Игра ума, и листьев арфа,
и вкус вина, и жар объятий —
даны сегодня. Ибо завтра
полно любых невероятий.
93

Я столько всякой видел пакости,
что лишь единственно от разности
я мог бы стать сосудом святости,
когда б не стал бутылкой праздности.
94

Себя раздумьем я не мучаю
и воле свыше не перечу:
когда идешь навстречу случаю,
судьба сама идет навстречу.
95

Веками власть по душам шарит,
но всем стараньям вопреки
дух человека – ртутный шарик,
неуловимый для руки.
96

А со мною ни с того ни с сего
вдруг такое начинает твориться,
словно в книгу бытия моего
кем-то всунута чужая страница.
97

Умами книжными и пыльными
скрипят мыслители над нами,

а нам то цепи служат крыльями,
то крылья вяжутся цепями.
98

Сколь гибко наше существо
к занятий резкой перемене:
солист поет про божество,
а в животе кишат пельмени.
99

Развитию грядущих поколений
положена жестокая граница,
и если возникает новый гений,
то рядом слабоумие рождается.
100

Жрецам и сторожам увялых истин,
протухших от побегов до корней,
особенно бывает ненавистен
наивный любознательный еврей.
101

Нутро земли едят заводы,
поя отравой кровь реки,
ложатся на глаза природы
аэродромов пятаки.
102

Всегда любой философ и сапожник
за творчеством коллег его следит,
и чем пугливей в личности художник,
тем дерзостней судья и эрудит.
103

Бутылка непристойно хороша,
сулит потоки дерзостных суждений,
и ей навстречу светится душа,
любительница плотских наслаждений.
104

Всего слабей усваивают люди,
взаимным обучаясь отношениям,
что слишком залезать в чужие судьбы
возможно лишь по личным приглашениям.
105

Чтобы легче было жить и сохраняться,
учат нас учителя словами свойскими
пресмыкание рассматривать как танцы

со своими эстетическими свойствами.
106

Большое счастье – вдруг напасть,
бредя по жизненному полю,
на ослепительную страсть,
одушевляющую волю.
107

Блажен, кто вовремя заметил
ту тень тревог и опасений,
которой дышит сонный ветер
в канун великих потрясений.
108

Еще я много напишу
и многое скажу,
пока плывет прозрачный шум
под светлый абажур.
109

В огонь любых на свете бедствий
из окон, щелей и дверей,
из всех немыслимых отверстий
обильно сыплется еврей.
110

Сижу, прохладный и пустой,
курю обильно,
а в голове как под тахтой —
темно и пыльно.
111

Не делай сказку былью, вождедея,
не жалуйся, когда не удалось:
несбывшееся ярче и светлее
того, что получилось и сбылось.
112

Мы все виновны без вины,
что так давно и плодовито
опасный бред, что все равны,

внедрился в разум ядовито.
113

Стихии цель свою не знают
и дел не ведают своих,
всегда и страшно погибают
те, кто развязывает их.
114

Покуда есть вино и хлеб
и дети льнут к отцу,
неблагодарен и нелеп
любой упрек Творцу.
115

Я в поездах души надлом
лечу с привычным постоянством:
лоб охлаждается стеклом,
а боль – мелькающим пространством.
116

Отец мой молча умер без меня —
уставши, я уснул темно и пьяно;
нет, я ни в чем себя не обвинял,
я просто это помню постоянно.
117

По мере разрастания корней,
питающих твердеющие души,
мы делаемся глубже и сильней,
но пасмурней, умеренней и суше.
118

Познание плодит свои плоды,
повсюду, где случится и придется,
вытаптывая всякие следы,
оставшиеся от первопроходца.
119

К познанию не склонный никогда,
искал себе иные я занятия,
и тайна зарождения плода
волнует меня менее зачатия.
120

Живи игрой, в игру играя,
сменяй игру другой игрой,
бывает молодость вторая,
но нету зрелости второй.

121

Я был не худшим и не лучшим
из тех, кто жизнью награжден:
то эгоизмом больно мучим,
то альтруизмом изможден.

122

Душа предчувствием томима,
а дни несут одно и то же,
и жизнь моя проходит мимо,
как мимо нищего – прохожий.

123

Дурак – не случай, а культура,
внутри которой, в свой черед,
самонадеянная дура
страшней, чем наглый идиот.

124

У нас внутри, как в помещении,
бес словоблудия живет
и, оживляясь при общении,
нам разум пучит, как живот.

125

На слух – перевернутым эхом
звучит наших жизней истома:
то стон выливается смехом,
то смех неотличен от стога.

126

Соблазны тем и хороши,
что лечат душу от спокойствия,
и только тот всерьез грешит,
кто множит грех без удовольствия.

127

Жизнь увязана мертвым узлом,
над которым азартно хлопочут
смельчаки, что дерутся со злом
и добро по мозолям топочут.

128

Открытием сконфузятся потомки,
начала наши взвесив и концы:
выкармливали мерзость не подонки,
а честные, святые и слепцы.

129

Если отнестись не подозрительно
к жизни, а доверчивей и проще,
многое, что страшно было зрительно,
будет восхитительно на ощупь.
130

Естественна реакция природы
на наше неразумие и чванство,
и нас обезображивают годы,
как мы обезобразили пространство.
131

Заслыша брань души с умом
на тему дел моих,
бегу, чужой в себе самом,
и лью нам на троих.
132

Сколь явно дедушек уроки
заметны в опыте внучат:
сегодня все вокруг – пророки,
но прозревают и молчат.
133

Мне часто снится чудный сон,
кидая в дрожь и мистику:
что женских юбочек фасон
опять вернулся к листику.
134

У значимых событий есть кануны,
предчувствиями полнится земля,
и звучные неслышимые струны
поют, предупреждая и суля.
135

Какая бы у власти волчья стая
ни грызлась, утоляя злобу волчью,
возмездие незримо прорастает
сквозь кровью удобряемую почву.
136

Я уверен, что в этой стране
потеплеет однажды и вдруг,
и мы с миром пойдем наравне,
как бегун, отстающий на круг.
137

Нас как бы время ни коверкало
своим наждачным грубым кругом,
не будь безжалостен, как зеркало,
и льсти стареющим подругам.
138

За веком вслед свистим скворцом,
полощем голос в общем гаме,
потом ложимся вверх лицом,
и нас несут вперед ногами.
139

Вертеть я буду карусель,
покуда хватит интереса;
печаль, что жизнь имеет цель,
нам посылается от беса.
140

Текла бы жизнь моя несложная,
легко по радостям скользя,
когда бы я писал про возможное,
касаясь лишь того, что лъзя.
141

В литературном алфавите
я сзади всех до одного:
сперва идут, кто блядовитей
и гибче выя у кого.
142

В связи с успехами науки
и от космических причин
сегодня бабы влезли в брюки,
а завтра – выебут мужчин.
143

Книга нашей жизни столь мудра,
что свихнется всякий, кто листает:
зло проистекает из добра,
а добро на зле произрастает.
144

Пьеса «Жизнь» идет в природе
не без Божьей прихоти:
одеваемся на входе
и лежим на выходе.
145

Одиноко бренчит моя арфа,
расточая отпущенный век,
и несет меня в светлое завтра
наш родной параноев ковчег.
146

Торжествует, кипит и ликует
вся страна от зари до зари,
шалый ветер истории дует
в наши мыльные пузыри.
147

Познания высокое дело
доверив ученым людям,
мое посвежевшее тело
к неграмотным ходит блядям.
148

Климат жизни, климат духа,
климат зрения и слуха
в этом лучшем из миров
замечательно херов.
149

Певцы несхоже вырастают
и разное строят свой уют:
одни тайком поют, что знают,
другие – знают, что поют.
150

Кто свой талант на провиант
не медлит разменять,
скорее все же не талант,
а одаренный блядь.
151

Он к умным бабам с дружбой лез,
духовной жаждою взыскуем,
но дружбу вмиг поганил бес,
оборотясь его же хуем.
152

С утра философ мылит разум,
чтоб целый мир окинуть глазом;
а я проснусь – и пью вино,
и мир во мне творит оно.
153

Забываясь только о здоровье,
вдруг обнаружишь утром ранним,
что благодушие – коровье,
а здравомыслие – баранье.
154

Намного проще делается все,
когда пуста бутылка на столе;
истории шальное колесо —
не пьяный ли катает по земле?
155

Что за весной приходит лето —
спасибо даже и за это.
На всем запрет. И куртизанки
дают тайком, как партизанки.
156

Любое выберите время
и наугад страну возьмите —
сей миг увидите еврея,
который враг и возмутитель.
157

Мы кишим, слепые тетери,
в тесноте, суетой загаженной,
огорчаясь любой потерей,
кроме дней, сгорающих заживо.
158

Нам неохота даже в рай
от русской гибельной земли,
милее жизни людям край,
где их травили и ебли.
159

Не стоит жизнь у жизни красть,
игра ума – сестра безделья,
а лень – единственная страсть,
после которой нет похмелья.
160

Не страшно мне адских заслуженных мук,
я кинусь в котел безмятежно,
страшнее звонки от вчерашних подруг,
упреки лепечущих нежно.
161

Девицы созревают раньше сроков,
заложенных природой в них самих,
и опыт преждевременных уроков
пленительно просвечивает в них.
162

Россия пребудет во веки веков

под боем державных курантов
страной казнокрадов, святых, мудаков,
пропойц и блаженных талантов.
163

Мы в мир приходим, как в музей:
дивимся травам, звездам, лицам,
заводим жен, детей, друзей
и покидаем экспозицию.
164

С полюса до линии экватора
всем народам нравятся их танцы,
а евреи всюду реформаторы,
потому что всюду иностранцы.
165

Мы по домам, в своей берлоге
держали веку вопреки
базары, церкви, синагоги,
читальни, клубы, бардаки.
166

Хотя живем всего лишь раз,
а можно много рассмотреть,
не отворачивая глаз,
когда играют жизнь и смерть.
167

Как литература ни талдычила,
как бы воспитать нас ни хотела,
а мерзавцы жутко симпатичны,
если туго знают они дело.
168

Здравый смысл умом богат,
не играется в игрушки
и почти всегда рога
у фортуны-поблядушки.
169

Стариками станут люди,
чей зародыш делал я,
а дотоле сохнуть будет
репутация моя.
170

На все планеты в космос тучный
пора нам парус поднимать,

пока они благополучно
живут без нас, еби их мать.
171

Когда удача отказала
и все не ладится всерьез,
нас лечат запахи вокзала
и колыбельная колес.
172

Среди болезней, горя, плача,
страданий, тягот и смертей
природа снова нас дурачит,
и мы опять плодим детей.
173

Вино и время не жалея,
садись не с каждым, кто знаком:
похмелье много тяжелее,
когда гуляли с мудаком.
174

Взрослеющего разума весна
полна то упоений, то нытья;
становишься мужчиной, осознав
бессмысленное счастье бытия.
175

У веры много алтарей,
но всюду всякий раз
удобней жертву, чем еврей,
не сыщешь в нужный час.
176

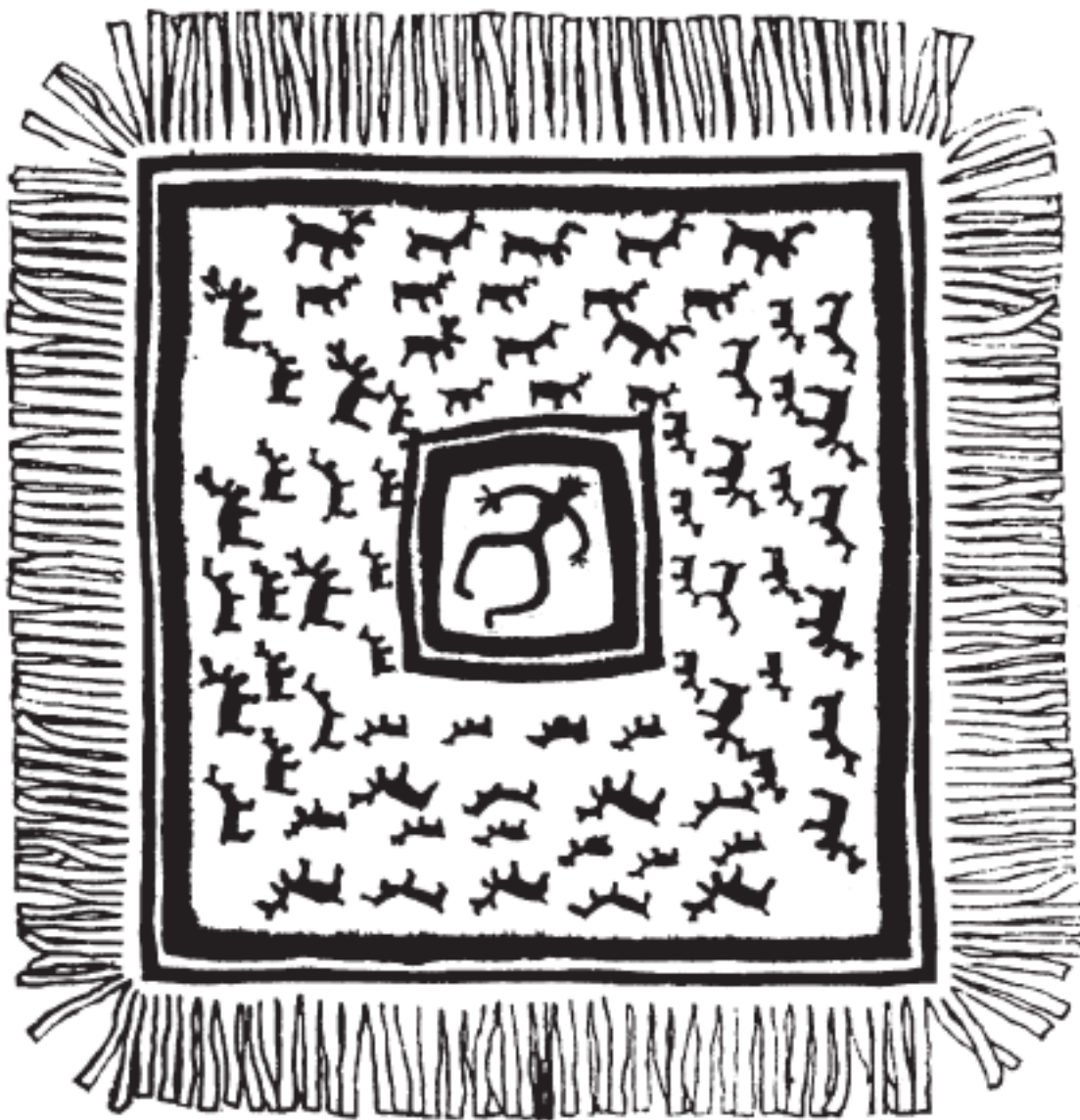
Творя семью, не знал Всевышний,
кроя одну для одного,
что третий – тайный, но не лишний —
дополнит замысел Его.
177

Прогресса жернова спешат молотъ
на воздухе, на море и на суше,
удобствами заласкивая плоть,
отходами замызгивая души.
178

С поры, как я из юности отчалил
и к подлинной реальности приник,
спокойное и ровное отчаянье

меня не покидает ни на миг.
179

Век играет гимны на трубе,
кабелем внедряется в квартиры,
в женщине, в бутылке и в себе
прячутся от века дезертиры.
180

Из вина и дыма соткан
мой тенистый уголок,
а внутри лежит красotka,
залетев на кайф о'клок.
181

Я в ад попрошусь, умирая,
не верю я в райский уют,
а бляди – исчадия рая
меня услаждали и тут.

182

Душа болит, когда мужает,
полна тоски неодолимой,
и жизнь томит и раздражает,
как утро с бабой нелюбимой.

183

Любой талант, любой мудрец
по двум ветвям растут:
кто жиже, делается жрец,
а кто покруче – шут.

184

Сквозь тугой волосатый аркан
хрипловато мы славим отчизну,
через бочку, бутыль и стакан
все дороги ведут к оптимизму.

185

Когда вседневная рутина
завьет углы, как паутина,
плесни в нее вином из кружки
и выставь хером дверь подружки.

186

Посмертной славы сладкий сок
я променял шутя
на ежедневный долгий сон
и озеро питья.

187

Пренебрегая слишком долго
игрой супружеского долга,
не удивляйся, что жена
с утра слегка раздражена.

188

В роскошных юбочках из замши
гуляют юные девчонки;
однако, никому не дамши,
не одолеть такой юбчонки.

189

Отливом завершается прилив,
похмельями венчаются угары,
эпоха, через кровь перевалив,
кончается, кропая мемуары.

190

Я не гожусь в друзья аскетам,
их взгляд недвижим и мертвящ,
когда под водку с винегретом
я тереблю бараний хрящ.
191

Он обречен, мой бедный стих,
лишь в устном чтении звучать,
свинья способностей моих
рожает только непечать.
192

Не хлопочи из кожи вон,
ища разгадки мироздания,
а пей с подругой самогон
на пне от дерева познания.
193

Пускай отправлюсь я в расход,
когда придет лихое время,
ростками смеха прорастет
мое извергнутое семя.
194

Стихи мои под влагу белую
читаться будут повсеместно,
пока детей не в колбе делают,
а древним способом прелестным.
195

Тверды слова, бестрепетна рука,
но страшно то во сне, то наяву:
без отдыха и без черновика
единственную жизнь свою живу.
196

Для одной на свете цели
все бы средства хороши:
пепел дней, что зря сгорели,
подмести с лица души.
197

Плыву сквозь годы сладкой лени,
спокойной радостью несомый,
что в тьму грядущих поколений
уже отправил хромосомы.
198

В России даже ветреные ветры,
дышавшие озоном обновления,
надули на века и километры
палачества, крушений и растления.
199

Жизнь полна шипами и укусами,
болями и минусами грустными,
но, когда у жизни только плюсы,
вид ее становится приплюснутым.
200

Лишенный корысти на зависть врагам,
я просто корыстно уверен:
отсутствие денег – примета к деньгам,
а лишние деньги – к потерям.
201

Душа засыпает послушно,
вкушая лишь то, что дают;
в России всегда было душно,
а затхлость рождает уют.
202

Сплетни, дразги, пересуды,
слухов мутная волна;
чем изысканней сосуды,
тем гавней струя гавна.
203

Проживая легко и приятно,
не терзаюсь я совестью в полночах,
на душе моей темные пятна
по размеру не более солнечных.
204

Сейчас в любом из нас так много
смешалось разных лиц и наций,
что голова, как синагога,
полна святынь и спекуляций.
205

Бог сутулится в облачной темени,
матерится простуженным шепотом
и стирает дыханием времени
наши дерганья опыт за опытом.
206

Поскольку мир – сплошной бардак,

в нем бабы ценятся везде,
искусство бабы – это как,
а ум – кому, когда и где.
207

Нас не мучает бессонница,
мы с рождения обучены:
все, что к худшему не клонится,
поворачивает к лучшему.
208

Когда бы Бог в свою обитель
меня живым прибрал к рукам,
имел бы Он путеводитель
и по небесным бардакам.
209

Зачем, не видя дальше конуры
и силы расточая не по средствам,
рожденные для веры и игры,
мы заняты трудом и самоедством?
210

Судьба, фортуна, провидение —
конечно, факт, а не химера,
но в целом жизнь – произведение
ума, характера и хера.
211

Восхищая страну вероломством,
соблазнясь на лимонные рощи,
уезжают евреи с потомством,
оставляя сердца и жилплощадь.
212

Мы брызгаем словесный кипяток,
пока поодиночке и гуртом
трамбует нас асфальтовый каток,
в чем с искренностью кается потом.
213

Я мироздания пирог
в патриархальном вижу духе:
над нами – власть, над нею – Бог,
над Ним – лучи, жара и мухи.
214

Текучка постепенных перемен
потери возмещает лишь отчасти:

в нас опытность вливается взамен
энергии, зубов, кудрей и страсти.
215

Сижу, работая упорно,
и грустно вижу с возмужанием:
пока идея ищет форму,
она скудеет содержанием.
216

Когда живешь в разгар эпохи
высоких слов и низких дел,
не оставляй на завтра крохи,
которых нынче не доел.
217

В мертвящем климате неволи
мы ощутимее живем:

чем гуще фон тоски и боли,
тем ярче проблески на нем.
218

Фигура выкажет сама
себя под кофтой и халатом,
и при наличии ума
разумно быть мудаковатым.
219

У нас едва лишь Божья искра
пробьется где-то под пером,
бежит восторженно и быстро
толпа ценителей с ведром.
220

Судьба кидает чет и нечет
и делит жизни, как река:
кто свиньям бисер пылко мечет,
а кто – коптит окорока.
221

Всеведущий, следит за нами Бог,
но думаю, вокруг едва взгляну,
что все-таки и Он, конечно, мог
забыть одну отдельную страну.
222

Больней всего свыкаться с тем,
что чудный возраст не воротится,
когда могли любой гарем
легко спасти от безработицы.
223

Несладко жить в реальном мире,
где всюду рыла, хари, суки;
блажен, кто булькает на лире
и упоен, как муха в супе.
224

Костер любви чреват распадом,
но угли я не ворошу:
огонь, пошедший серым чадом,
я новым пламенем гашу.
225

Живая речь – живое чудо,
балет ума и языка,
а без нее мудрец-зануда

кошмарней даже мудака.
226

По животной, по стадной природе
не гуляющий сам по себе,
человек, как потерянный, бродит,
не найдясь в коллективной судьбе.
227

Живя блаженно, как в нирване,
я никуда стремглав не кинусь,
надежд, страстей и упований
уже погас под жопой примус.
228

Среди тревог, тоски и мук
на всем земном пути недлинном
в углу души стоит сундук
с мечтой под пухом нафталинным.
229

Приметы жизни сокровенны,
хотя известны с давних пор:
жизнь – это влажность, перемены,
движение, гибкость и напор.
230

А если нас какая сука
начнет учить не воровать,
то улетит быстрее звука,
который будет издавать.
231

Струю вина мы дымом сушим
и начинаем чушь молоть,
чтоб утолить душою душу,
как утоляют плотью плоть.
232

У Бога нету черт лица,
исходной точки и границы,
самопознание Творца
Его твореньями творится.
233

Не лежи в чужих кроватях,
если нету наслаждения,
очень стыдно, милый, мять их

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.